

А.О. Шелемова

ФЕНОМЕН МАКСИМА БОГДАНОВИЧА

(к 120-летию со дня рождения белорусского поэта)

В Ялте, на благодатной крымской земле, к последнему пристанищу Максима Богдановича поклонники его таланта из ныне уже разных государств – Беларуси, Украины, России – несут скромные полевые цветы васильки. С бронзовыми васильками в руках поэт воплощён и в памятнике около Оперного театра в Минске, напротив дома, где родился – вечно молодой, красивый, исполненный веры, надежды и любви.

Улица, на которой появился на свет будущий литературный гений 9 декабря (по новому стилю) 1891 года, в те времена называлась Александровской и простиралась по берегу реки Свислочь. Сегодня этой улице не вернули историческое название, она увековечивает память поэта. На этой минской улице жила семья Богдановичей - отец Адам Егорович и мать Мария Афанасьевна с детьми. Отец был чиновником с юридическим образованием и по долгу службы подчинялся приказам начальства в инспектировании провинциальных управ. Через полгода после рождения Максима Адаму Егоровичу было предназначено переехать в Гродно, где семья прожила до 1896 года, когда от туберкулёза скончалась Мария Афанасьевна. Отца перевели на службу в Нижний Новгород.

Расставание с могилой матери оказалось для будущего поэта разлукой с родной Беларусью - почти на всю жизнь. Только летом 1911 г. он посетит Вильно, а в октябре 1916 г. приедет в Минск и проживёт там пять месяцев.

Рождённый над Свислочью, баюканный гродненскими волнами Немана, Богданович и детство, и юношеские годы проведёт далеко от них – на Волге. Учился он в гимназиях Нижнего Новгорода и Ярославля, высшее образование получил в Ярославле, окончив демидовский юридический лицей. Уже, будучи тяжело больным, Максим через 20 лет приедет на Родину, где его друзья соберут деньги и отправят лечиться от туберкулёза в Ялту. Но не судьба была задержаться поэту в этом мире: 25 мая 1917 г. он умер. Земной срок ему был отпущен – 25 лет.

Творчество Максима Богдановича – поэта, прозаика, публициста, переводчика – явление воистину феноменальное. Прожив всю свою взрослую жизнь в российских губернских городах, в русскоязычной среде, он состоялся как *белорусский* литератор. Более того, в пределах такого короткого – всего четверть века – жизненного, а еще более краткого – творческого, пути Богданович сумел вознестись на самую вершину отечественного Парнаса и, наравне с Янкой Купалой и Якубом Коласом, на века остаться классиком национальной литературы.

Пик расцвета творчества Максима Богдановича совпадает с периодом необычайного подъёма русской культуры – Серебряным веком. Однако в нижегородский период, при всей своей филологической эрудиции и разностороннем интересе к поэтическому искусству, он оставался удивительно

равнодушным к модернистским тенденциям начала XX столетия. Современник Серебряного века оказался в стороне от идейных и художественных исканий символистов, акмеистов, футуристов. В российском литературно-общественном движении он участвовал как критик и публицист, объективно и беспристрастно отзываясь на новации и молодых, и маститых авторов. Но, внутренне осознавая себя белорусским поэтом, Богданович осуществлял свою главную творческую задачу – созидание высокохудожественной белорусской поэзии по классическим образцам, претендуя, на искренность и первичность истинно поэтического слова в родной литературе.

Доминирующей в творчестве Богдановича была этическая концепция, проблема духовной жизни человека – во времени и пространстве, в отношениях к добру и злу, прекрасному, драматическому, трагическому. Он наполняет каждое стихотворение мыслью и чувством, преломляя их через своё внутреннее «я», раскрывая душу в заветных лирических строках, которые, в итоге, органично сложились в своеобразную исповедь о жизни и судьбе поэта.

Формально-содержательным обогащением гражданской темы в белорусской поэзии, несомненно, стал его сонет «Паміж пяскоў Егіпецкай зямлі». В отечественной литературе первого десятилетия XX века патриотическое слово было доминирующим. Голос Богдановича зазвучал не менее энергично в унисон со старшими, более именитыми поэтами Купалой и Коласом. Поэтическая изобразительность гражданской лирики этого периода - следует признать данный факт - была сведена до минимума приоритетами реалистического трибунного слова. Купала во весь могучий голос певца-гражданина восклицал: «А хто там ідзе, а хто там ідзе ў агромністай такой грамадзе? – Беларусы. / А што яны нясуць на худых плячах, на руках у крыві, на нагах у лапцях? – Сваю крыўду...». Колас в характерной для него реалистически-повествовательной манере создавал лирику гражданской скорби, песни-«жалобы»: «Край наш бедны, край наш родны! Лес, балоты і пясок...». Свободолюбивая лирика и Купалы, и Коласа, и Богдановича преисполнена гражданским оптимизмом. Но если у первых она – открыто публицистическая, насыщенная риторическими и императивными лозунгами-призывами, то Богданович свои патриотические чувства мог высказать и стихами, написанными в форме сонета:

Паміж пяскоў Егіпецкай зямлі,
 Над хвалямі сінеючага Ніла,
 Ужо колькі тысяч год стаіць магіла:
 У гаршку насення жменю там знайшлі.
 Хоць зернейкі засохшымі былі,
 Усё ж такі жыццёвая іх сіла
 Збудзілася і буйна ўскаласіла
 Парой вясенняй збожжа на раллі.
 Парой вясенняй збожжа на раллі.
 Вось сімвал твой, забыты краю родны!
 Парой вясенняй збожжа на раллі.
 Вось сімвал твой, забыты краю родны!

Зварушаны нарэшце дух народны,
 Я верую, бясплодна не засне,
 А ўперад рынецца, маўляў, крыніца,
 Катарая магутна, гучна мкне,
 Здалеўшы з глебы на прастор прабіцца [1,137].

Символ веры у Богдановича – зерно, природная сила которого столь мощна, что способна расцвести щедро колосающейся нивой. Так в изысканной сонетной форме выразилась патриотическая мысль автора о судьбе родной земли. Художественное воплощение столь сложной темы исключительно оригинально. Богданович эффектно использует экспрессию развёрнутого метафорического сопоставления не с привычным белорусскому взгляду ландшафтом, где «лес, болото и песок», где родной, известный каждым омутом и водоворотом, каждой отмелью кормилец Нёман, а с «землёй незнаемой» – египетской, омываемой волнами загадочного Нила. Обращаясь к нетривиальной символике в «непривычном» сонетном облики, поэт «выводил» отечественную социально-гражданскую лирику из пределов замкнутого круга устоявшихся в реализме жанровых и стилистических канонов.

Гражданская пафосность лирики Богдановича тесно соотнесена с мотивом беззаветного служения художника родине. Героизм, самопожертвование ради интересов народа было высшей степенью проявления гражданской позиции литератора. В сонете «Замерзла ноччу шпаркая крыніца» Богданович размышляет о неразрывной связи поэта с внешним миром, в данном конкретном случае с социальной средой, которая неизбежно втягивает творческую личность в сферу общественного антагонизма. Он символически уподобляет социальную судьбу поэта замёрзшему в зимнюю стужу ручью, внешне, на поверхности – «без движения и следа», но внутри, под слоем снега, бурлящего живой водой и стремящегося «мощным хором волн» в «свободный мир пробиться»:

Прыклаў я гэты сімвал да сябе,
 Схіліўшыся ў надсільнай барацьбе,
 І разгадаў прыроды роднай словы.
 Як - прамаўчу, бо кожны з вас - паэт
 Рассейце ж самі лёгкі змрок прамовы,
 Сваёй душы туды пралліце свет! [I, 248]

Талант поэта – это *дар небес благословенный* (А.С. Пушкин). Приняв этот дар, будь достойным своего предназначения: раскрыть тайну поэтического слова. Богданович в высшей степени обладал этим даром. Вдохновенно звучало слово поэта, когда он говорил о своей музе в стихотворении «Песняру»:

Трэба з сталі каваць, гартаваць гібкі верш,
 Абрабіць яго трэба з цяпеннем.
 Як ударыш ты ім, – ён, як звон, зазвініць,
 Брызнуць іскры з халодных каменяў [1,126].

Богданович сравнивает творческий процесс с обработкой, огранкой камня, превращающего его талантливими руками мастера в сверкающую драгоценность. Образное сравнение художественного произведения с драгоценным камнем (перлом создания) в поэзии довольно традиционно, что

позволяет отнести его к разряду так называемых поэтических универсалий. Богданович, развивая традиционный мотив, обыгрывал богатую образность поэтического тропа не только в стихотворении «Песняру», но и «Ціхія мае ўсе песні...», «Калі ў раквіну цёмную жамчужніцы...». Каждое из них раскрывает по-разному тему творчества. Богданович философски размышляет о непреходящей ценности истинного искусства:

Ціхія мае ўсе песні, цёмныя, як вугаль чорны,
Але ўсё ж яны засвецяць, калі я ў агні мучэння
Іх разжару, распалю;
А як згасне ён – дык бліснуць, быццам дыямантаў зёрны,
Бо абярнуцца, застыўшы, у драгацэнныя каменні
У час, як лягу я у зямлю [1, 233].

В другом стихотворении поэт наблюдает в природе чудесные превращения натурально-утилитарного в эстетически-прекрасное, как, например, рождение из песчинки жемчужины:

Калі ў ракавіну цёмную жамчужніцы
Ўпадзе пясчынка хоць адна, –
Жомчугам патроху робіцца яна!
Калі ў дух мой западзе і заварушыцца
Там кавалак грубага жыцця, –
У жомчуг звернецца ён сілай пачуцця! [1, 124].

Подобно чудесной метаморфозе, сотворенной природой, в творчестве грубо-низменное явление может возвышенным порывом души поэта трансформироваться в перл художественного создания.

В лирике Богдановича нередки грустные, пессимистические настроения, мотивы безверия, сомнения, душевной тоски, то ли от утраченного чувства дружбы и любви, то ли от предчувствия близкой смерти. Драматизм лирики Богдановича – собственно порождение его жизненной судьбы, трагедии молодого поэта, умирающего на чужбине от неизлечимой болезни. Он – «больной, бескрылый поэт», беспрестанно думающий *у багатай чужыне аб беднай далёкой сваей старане* («На чужбіне»). Он просит кукушку не дарить ему напрасно годы жизни: боль в груди говорит об ином – *душу агартае, думцы голас падае, ...што нядоўга пражыву я, што загіну без пары* («Не кувай ты, шэрая зязюля»). Душа, надорванная болезнью, переживает:

Ой, чаму я стаў паэтам
У нашай беднай старане?
Грудзі ньюць, цела вяне,
А спачыць не можна мне:
Думкі з розуму ліюцца,
Пачуццё з душы бяжыць...
Мо за імі кроў палыне,
І тады ужо досі жыць! [1, 82].

И всё же лирика поэта, хотя и рождённая в «больной груди», более исполнена жизнерадостности, оптимизма; печаль его была по-пушкински *светла*, и жизнь воспринималась как гармоническое и органическое целое.

В лирических произведениях Богдановича выявляется интерес к проблеме традиции, преемственности, творческой учёбы у великих поэтов-предшественников. Белорусский поэт, как отмечалось, главной эстетической задачей ставил расширение тем и форм родной литературы, ориентацию её на безупречную артистичность. В стихотворении «Тэрцыны» Богданович чётко определил свою позицию в отношении к проблеме творческой преемственности:

Ёсьд чары ў забытым, старадаўным;
 Прыемна нам сталеццяў пыл страхнуць
 І жыць мінулым – гэткім мудрым, слаўным, –
 Мы любім час далёкі ўспамянуць.
 Мы сквапна цянемся к старым паэтам,
 Каб хоць душой у прошлым патануць
 Таму вярнуўся я к рандо, санетам,
 І бліснуў ярка верш пануры мой:
 Як месяц зіхаціць адбітым светам, –
 Так вершы зьяюць даўнаю красой! [1,143].

Античная классика стала для белорусского поэта школой мастерства. Отсюда – очевидное творческое отношение Богдановича к античности, к Возрождению как источникам идей, тем, форм; отсюда – интенсивное использование образов греческой и римской мифологии, наличие анакреонтических мотивов в лирике, обращение к Горацию, к его «Памятнику», к поэтизации образа Мадонны. Анакреонтика – одна из замечательных страниц богдановичевской лирики. Он реализовал традицию в цикле стихов «Эрас», а затем обозначил свои симпатии к древнегреческому певцу в лирическом признании:

Бледны, хілы, усё ж люблю я
 Твой і мудры і кіпучы верш, Анакрэон!
 Ён у жылах кроў хвалюе,
 У ім жыццё струёю плешча, вее хмелем ён.
 Верш такі – як дар прыроды,
 Вінаграднае, густое, цёмнае віно:
 Дні ідуць, праходзяць годы, –
 А ўсё крапчэй, хмяльнее робіцца яно [1, 364].

Богданович «следовал» и за Овидием, переводя на белорусский язык фрагменты из «Метаморфоз». Зазвучал по-белорусски малым асклепиадовым стихом знаменитый «Eхегі monumentum» Горация:

Лепшы медзі сабе памятник справіў я,
 Болей ўсіх пірамід царскіх падняўся ён;
 Не зруйнае яго сівер, ні едкі дождж,
 Ні гадоў чарада, вечнага часу рух.
 Не саўсім я памру, лепшая часць мяне
 Не зазнае хаўтур; слава мая ўвесь час
 Між патомкаў расці будзе... [1,276].

Использование античной традиции Богдановичем диктовалось единственным – поднять родную литературу до уровня высокоразвитых,

соединить всё лучшее, выработанное эстетическим развитием всего человечества, с национальным творчеством.

Самовыявление личности поэта ярко воплотилось в его пейзажной и интимной лирике. Поэтическое открытие природы через восприятие её лирическим героем, духовное единение с окружающим миром стало ярким художественным достижением белорусского автора. Пейзажная лирика обнажает субъективные переживания поэта, то радующегося красоте природы (*І хістаецца асока, І шуміць высот бор, /А ў душы не замаўкае / Струн вясёлых перабор*), то грустно созерцающего многоцветие и вслушиваясь в многоголосие этого вечного, прекрасного мира, душой и мыслью переживая скоротечность земной жизни (*На цёмнай гладзі сонных луж болота.../ Смуроднай жыжкаю ўздавала /Цвятоў расістых чыстую красу. / Маліся ж, каб з літоўнасці стрымала / Тут смерць сваю нязвонкую касу*). «Душа надорванная», измученная смертельной болезнью оставалась всегда открытой красоте. Почти все стихи Богдановича о природе являются выражением сердцевинного в мировосприятии художника: многокрасочного, органичного, гармоничного.

Пейзаж у Богдановича тем или иным образом всегда соотнесён с личностным восприятием природы. Поэт подчёркнуто живописует не столько предметы и явления реального мира, сколько чувства и переживания лирического «я». Душа рвётся на простор, в пространство раздольных полей, обширных лесов, бурных вод разлившихся рек:

Праясняецца пагода,
 Бо вярнулася вясна.
 Усё чакаеш, што прырода
 Ёстрахнецца ада сна...
 Зазвіняць жалобна крыгі,
 І бурлівая вада
 Снег, размоклы ў час адлігі,
 Змые з луга без сляда.
 Дык разліўся жа раздольна
 Ё чыстым полі і гаю
 І красой паводкі вольнай
 Душу выпрастай маю! [1,73].

Шедевром пейзажной лирики Богдановича с полным на то основанием признано стихотворение «Цёплы вечар, ціхі вецер, свежы стог», в котором вдохновенно опозитизировано гармоническое единение личности с «зачарованным царством» природы:

Цёплы вечар, ціхі вецер, свежы стог,
 Улажылі спаць мяне вы на зямлі.
 Не курыцца светлы пыл усцяж дарог,
 У небе месяца праглянуў бледны рог,
 У небе ціха зоркі расцвілі.
 Знічка коціцца агністаю слязой,
 Прашумела мякка скрыдламі сава;
 Бачу я, з прыродай злічышся душой,
 Як дрыжаць ад ветра зоркі нада мной,

Чую ў цішы, як расце трава [1,62].

Восприятие природы лирическим героем в стихотворении – целостно и органично: он разом впитывает в себя и тепло летнего вечера, переходящего в ночь, и запах сена, и тишину ветра, и красоту звёздного неба. Поэт проникновенно описывает психологическое состояние *с природой слившегося душой*, растворившегося в ней лирического героя.

Не только пейзажная, но и любовная лирика отражает субъективные переживания поэта. У Богдановича интимное переживание раскрывается в высшей степени целомудренно. Любовь для молодого поэта – прекрасная мечта, которая вряд ли осуществится, потому что не суждено ей родиться в «больной груди». Мечта эта воплотилась в лирических строках цикла стихотворений, посвящённых Ане, в «выдумке его головы» Веронике, в его Мадонне – безымянной девушке-крестьянке, сочетавшей в себе «двойной красы аблік ядыны». Его душа кипела и замирала от любви в стихах из цикла «Эрас»:

Зірнуў, як між валос, між хмар калматых, цёмных
 Чырвоны маладзік.
 І ўраз згадаў мне рад уздыхаў прыглушонных,
 І мук любовных крык,
 І цела гібкага шалёнасць, ізвіванне,
 І п'яны, душны пах...

.....
 У грудзях сціскаецца гарачае дыханне,
 Кроў хваляй б'е ў нагах [1,203].

Светлой печалью исполнены самые интимные исповеди лирического героя. Драматизм чувства в одном из последних стихотворений Богдановича выплеснут не только в пронзающих душу словах, но и в чеканном ритме прощальной мелодии реквиема:

Муар
 Двума колерамі
 Пераліваецца.
 І бачна ўсім,
 Дзе пачынаецца і дзе канчаецца каторы;
 А ўсё ж такі мяжу між імі
 Чартою цвёрдай
 Не правесці.
 У сэрцы боль:
 Ніколі
 З душою Вашай так і не сальцеца
 Мая душа.
 Канец [1,429].

Душа Богдановича-поэта слилась с любовью тех, кому он посвятил свою лиру. А памятник, не такой грандиозный, как у русских поэтов – Ломоносова, Державина, Пушкина, но он воздвиг себе тоже:

У краіне светлай, дзе я ўміраю,
 У краіне светлай, дзе я ўміраю,
 У белым доме ля сіняй бухты,
 Я не самотны, я кнігу маю

З друкарні пана Марціна Кухты [1,320].

Памятником Максима Богдановича стало скромное четверостишие. Этим последним стихотворением – как бы на последнем поэтическом вздохе – Богданович завершил свою биографию как истинный поэт. Край чёрной смерти назвал он светлым, дом, в котором умирал – белым, бухту, у которой простился с жизнью – синей, а самым большим сокровищем – единственную книгу стихов «Венок».

Література:

1. Максим Богданович. Полн. собр. соч. (на бел. яз) // В 3 тт. Минск, 2001 .Т. I.

Аннотація

Шелемова А.О. Феномен Максима Богдановича (к 120-летию со дня рождения белорусского поэта).

Статья посвящена 120-летнему юбилею М.Богдановича. Творчество белорусского поэта предстаёт явлением, феноменальным в литературе: он состоялся как национальный классик, живя в России, в губернских городах Нижнем Новгороде и Ярославле. Пик расцвета творчества Максима Богдановича совпадает с периодом Серебряного века в русской культуре. Поэт безвременно умер в возрасте 25-ти лет, похоронен в Ялте. Его пронзительно звучащее поэтическое наследие стало бесценным культурным достоянием белорусского народа и народов Украины и России.

Поэт, творчество, талант, поэзия, лирика, традиция.

Анотація

Шелемова А.О. Феномен Максима Богдановича (до 120-річчя зі дня народження білоруського поета).

Стаття присвячена 120-річному ювілею М.Богдановича. Творчість білоруського поета предстає явищем, феноменальним у літературі: він відбувся як національний класик, живучи у Росії, у губернських містах Нижньому Новгороді та Ярославлі. Пик розквіту його творчості співпадає з періодом Серебряного віку в російській культурі. Поет передчасно помер у 25-річному віці, його поховано у Ялті. Поетична спадщина Максима Богдановича є культурним надбанням білоруського народу, народів України та Росії.

Поет, творчість, талант, поезія, лірика, традиція.

Annotation

Schelemova A.O. Phenomen of Maxim Bogdanovich (to the 120th anniversary of Belarusian poet).

This article is devoted to the 120th anniversary of Maxim Bogdanovich. Creation of this Belarusian poet - is truly phenomenal. He became a national classic, despite the fact that he lived in Russia, in the provincial cities: Nizhny Novgorod and Yaroslavl. He died at the age of 25 years, buried in Yalta. His poetic heritage has become an invaluable cultural value of the Belarusian people, peoples of Ukraine and Russia.

Poet, creativity, poetic heritage, cultural property, lyric poetry, tradition.